

СТУДЕНЧЕСКИЕ ГОДЫ ДВУХ ПОЭТОВ ЗЕМЛИ СМОЛЕНСКОЙ

(Реплика на статьи В.В. Ильина)

До Рыленкова я не знал более гармоничного соответствия,
совпадения личности и творчества художника.

Сергей Граховский, белорусский поэт, прозаик, публицист

После ухода из жизни А.Твардовского и Н. Рыленкова, а затем и М. Исаковского, в смоленском пединституте был создан центр по изучению творческого наследия трех поэтов. Этим занимались как смоленские ученые, так и многих других городов России. Еще много оставалось живых свидетелей, хорошо знакомых не только с творчеством, но и жизнью, как Твардовского, так и Рыленкова, и способных объективно, без фольклора поведать о них. Естественно было ожидать, что смоленские ученые в исследовании займут ведущие позиции – кому как не им знать своих земляков.

Статьи В.В. Ильина – «А. Твардовский и Н. Рыленков в смоленском пединституте» (еженедельник «Вдохновение», 1994 г., № 2) и «Институтский период в творческой биографии Твардовского и Рыленкова» (сборник «Страницы истории СмолГУ», 2012) посвящены годам духовного и творческого становления этих двух уже достаточно известных в Смоленске поэтов. Времени мало известному не только современному читателю, но исследователям творчества. Задача для автора непростая, но вполне разрешимая, если быть скрупулезным и беспристрастным, очень внимательно вчитываться в тексты, созданные ими, и те расскажут об авторах (если хорошенько их «порасспросить») больше и честнее многих ангажированных свидетелей. Эта азбука любого исследователя далеко не всегда соблюдается. Уж очень укоренилась привычка к двойным стандартам.

Как шло формирование личностей известных людей, всегда вызывает живой интерес последующих поколений. Два молодых человека, почти ровесника (разница – один год), земляки, крестьянские дети, выбрали совершенно разные пути в поэзии: лирический – Рыленков, эпический – Твардовский и шли по ним до конца. Для понимания этого важна достоверная информация и, конечно, не слухи и байки, а проверенные и проанализированные факты.

Каждый из них обладал врожденным поэтическим талантом и развивался он, казалось бы, в очень сходных условиях, но в разных обстоятельствах их жизни – в семье, отношении к природе, окружающих их людей, что сформировало разные характеры и в определенной степени разное понимание целей и особенностей направления творчества.

Природа. Отношение к ней – один их ключей к пониманию поэтов. Это можно уловить на примере понимания их лирики Бунина. Например, «Листопад» Твардовский рассматривал просто как яркую живопись, а Рыленков считал глубоким проникновением в душу русской природы, без которого невозможно понять душу народа. Твардовский приветствовал широкомасштабные проекты преобразования природы (например, Братскую ГЭС). Рыленков же писал: «Борьба с природой? Нет, мне странно слышать это,

// Борьбу ведут с врагом, а нам природа мать». О многом отсюда формировались их направления в поэзии.

На меня статьи произвели странное впечатление. По сути в них даются не парные портреты двух поэтов, а одного – Твардовского на фоне Рыленкова, и если что-то говорится о нем, то так, как бы мимоходом, с некоторым сомнением и даже во второй статье приписываются негативные поступки, которых он не совершал. Твардовский же и очень умен, и хорошо учился, и знал отлично поэзию. Возможно, все это так. Твардовский бесспорно талантливый человек. Но почему ничего не сказано, каким студентом был Рыленков, как учился, о его участии в литературной жизни института и города, как знал поэзию и т.д.? Об этом ни слова. Между тем Рыленков имел свободное посещение лекций, что разрешалось лишь хорошим студентам (предпочитал работать в библиотеке с первоисточниками). Упоминаемый в статье профессор Чистяков без сдачи экзамена («автоматом») предложил поставить «хорошо», пояснив, что на «отлично» знает только он сам. Тот же Чистяков, при разборе слова «зга», отмечал, что пока не ясно его точное значение. Рыленков предложил трактовку его, как понимали это слово в их деревне. Чистякова она очень заинтересовала, и он посчитал ее вполне вероятной.

Профессор Соболев, отношения с которым складывались вначале довольно напряженными (слишком уж самостоятельно мыслил студент), был в конце концов покорен знанием строптивым студентом старославянского языка, читавшего наизусть большие отрывки из древнерусских текстов, например, из «Моления Даниила Заточника», и не раз предлагал ему бросить лирические «пустяки» и заняться серьезным делом – переводом «Слова о полку Игореве». Такое предложение он не делал больше никому. Но Рыленков понимал, что не может себе позволить работу над этим гениальным произведением (которое он страстно любил всю жизнь) – до нее надо дорасти, и постоянно отказывался. Павел Михайлович согласился с его доводами и одобрил решение. Но именно откладывал, а не отказывался от нее. И когда время пришло (лето 1962 года), он очень быстро сделал пересказ, исполнив свой внутренний долг и как поэт, и как гражданин.

Это примеры недоговоренности В.В. Ильина, которые, безусловно, повлияли на объективность сказанного.

Но есть в статьях вещи абсолютно неправдивые, с которыми никак не могу согласиться.

Первое – это обвинения в сокрытии правды при ответе на один из вопросов опросного листа (№ 5): «Который раз подаете заявление в вуз? – дан ответ: «Первый» (хотя по другим достоверным источникам можно установить, что это была вторая попытка). «Достоверным источником послужила книга Е. Осетрова «Муза в березовом перелеске» (указана во второй статье Ильина). Ильин усмотрел в желании юноши получить полное среднее образование попытку поступить в университет. В 1925 году Тюнинская средняя школа была реорганизована в семилетнюю школу крестьянской молодежи, а папа успел закончить к этому времени не 9, а 8 классов. Для получения аттестата надо было перевестись в другую. Друзья-тюнинцы посоветовали Смоленск, где устроили его в среднюю школу № 4 (там ранее учился Исаковский), обещали помочь с работой и даже приняли в свой литературный кружок при университете. Если бы Виктор Васильевич прочел источник, на который ссылался, хотя бы до конца страницы, то увидел бы всю несостоятельность своей версии. А еще полезнее было бы прочитать биографические повести и «Страницы жизни». Поступить в университет без аттестата было невозможно – надо сдать экзамены почти по всем основным школьным дисциплинам, включая ма-

тематику и физику на все факультеты. Это не институт, в который тогда брали (но не всех) и без аттестата. Так правдоподобие у Ильина обернулось неправдой.

Нельзя согласиться и с тем, что на вечерах Рыленков читал стихи местных поэтов, а Твардовский – классиков. «На одном из вечеров первый читал «стихи Дворецкого, а Твардовский – Бунина, Блока, Ходасевича». Безусловно, Рыленков мог прочесть стихи Дмитрия Павловича. Да и не только его, а скажем и москвича И. Уткина. Он интересовался современной поэзией. Но главным для него оставалась классика. Вот что писал А. Македонов о лете 1930 года, когда они с Александром Твардовским гостили у Рыленкова в деревне (еще до поступления папы в институт): «Помню, как поразили меня, с детства напичканного книгами, в этом моем однолетке и разнообразие его начитанности, и замечательная память на стихи, и безграничная любовь к ним, и широта его литературного кругозора и вкуса. Начитанность и одаренность молодого предсельсовета в глухом деревенском углу были, конечно, исключительными».

Замечу, что Македонов уже закончил университет. Все, что так поразило Адриана Владимировича в Рыленкове, развилось еще во время учебы в Тюнино, где его природные способности, жажда знаний, любовь к чтению встретились с удивительным коллективом высокообразованных педагогов-энтузиастов и великолепной по составу книг библиотекой, поступившей в избу-читальню из одной из помещичьих усадеб. В ней были такие книги, которых не могло быть в школьной. В Тюнино на всю жизнь вошел в его сердце И.А. Бунин, дореволюционное собрание сочинений которого он успел перечитать не раз, полюбил А. Блока, С. Есенина и даже Волошина по единственной найденной книжечке «Иверни». Здесь же зародился интерес к Кнуту Гамсуну, который в нем уживался «странным образом» с любовью к Бунину и Аксакову. В девятом классе (уже в Смоленске у педагога Я.И. Ильина) на предложение Якова Ивановича сделать доклад об одном из современных поэтов, ответил – о Бунине или о Блоке. Остановились на Блоке, т.к. Бунин был эмигрантом. Готовясь к нему, прочел собрание стихов Блока, составленное им самим (издательство «Алконост»), и сосредоточился на лирике. Доклад назвал так: «Поэзия пророческих предчувствий». Сделал доклад и по Есенину. Написал стихотворение памяти Есенина и прочел его на вечере в университете. Студенты рекомендовали его опубликовать в газете, но там не решились, а напечатали стихотворение «Толока» (изменив название на «Взаимопомощь»).

Без сомнения, Рыленков знал поэзию всегда и в институте в частности, не хуже, а лучше Твардовского и, в отличие от Александра Трифоновича, обладал «широтой литературного кругозора и вкуса». Безусловно, Твардовский тоже хорошо знал поэзию и признавался уже будучи маститым поэтом, что о поэзии по-настоящему он может говорить лишь с двумя поэтами – С.Я. Маршаком и Рыленковым. А такое признание из уст Твардовского дорогого стоит. Что касается Блока, то Александр Трифонович довольно прохладно относился к нему (сужу по его записям), а Бунина ценил больше как прозаика, чем поэта.

В 1965 году в журнале «Новый мир» была опубликована статья Твардовского о Бунине. По этому поводу состоялся обмен мнениями с Македоновым и Исаковским. Рыленков Македонову 11.10.1965: «Вся осень у меня прошла под знаком Есенина. Я писал статьи, готовился к докладу, поэтому журналы почти не читал. В «Новом мире» прочел только статью о Бунине. Статья очень хорошая, хотя у меня несколько иное отношение к Бунину. Для меня «Листопад» не просто яркая живопись, а глубокое проникновение в душу русской природы. Не могло не «царапнуть» меня и то, что Твардовский приписал

Бунину стихи Ходасевича («Минуло с той поры только шестнадцать лет», «Путем зерна», стр. 12). Это, конечно, мелочь, но лучше бы не было такой досадной описки. При случае скажи ему, пусть вычеркнет из статьи и строчку Ходасевича, приписанную Бунину».

Исаковский Рыленкову 30.11.1965: «Александру Трифоновичу я не смог сказать о твоём замечании (относительно того, что стихи Ходасевича он ошибочно приписал Бунину). Я не мог сказать, во-первых, потому, что не встречался с ним. Во-вторых, потому, что как бы постеснялся... В таких случаях он иногда ведет себя странно. Он мог бы и разобидеться, даже рассердиться: тоже, мол, нашелся указчик».

Даже случайная ошибка в известном журнале такого поэта и главного редактора весьма неприятна.

Далее, не в характере Рыленкова было соревноваться с кем-либо в знании стихов – он их просто любил и передавал это слушателям. Твардовский же (и это не секрет) всегда хотел быть первым. Это было в его крови, и тут уж ничего не поделаешь.

Жизнь в годы учебы тоже далеко не баловала Рыленкова. Да, он был на виду, и всегда находились поводы придраться. Его долго «терзали» за «неправильную» жену, «гнилой либерализм» и т.д.

Атмосфера подозрительности, охватившая страну, проникла и в институт. Оказалось, что часть студентов заражены «гнилым либерализмом» и его нужно искоренить. Главными фигурантами дела стали студенты второго курса Рыленков, руководивший группой крестьянских писателей, и М. Гавриченко, студент третьего курса, писавший прозу, член группы. Как возникло дело? На одном из заседаний группы обсуждалась новая повесть В.Ф. Шурыгина, в которой он утверждал, что все крестьяне участвовали в Октябрьской революции. Один из членов группы посчитал это неправильным, даже контрреволюционным, написал донос, что руководитель группы Рыленков и член ее Гавриченко не дали Шурыгину должного отпора, проявив гнилой либерализм. Так закрутилось дело. Собрания с осуждением проходили долго и нудно, а на заключительном – общеинститутском – их собрались исключить. Но неожиданно по приказу из обкома дело прекратили. Оба отделались выговорами.

Об этом у папы есть коротенькая новелла «Переключка», написанная в марте 1969 года (за два месяца до ухода), где он смягчил ужас того времени юмором.

Я часто думала – кто отвел от них дамоклов меч исключения, и, как мне кажется, это мог сделать только тогдашний первый секретарь обкома Иван Петрович Румянцев – человек демократичный, очень неглупый, из питерских рабочих, глубоко уважавший труд педагогов. Безусловно, в обкоме знали об этом глупейшем деле, раздутом до институтского масштаба, и, понимая абсурдность обвинения, решили прекратить.

Но абсурд в стране нарастал, и в 1937 году Румянцев был арестован и расстрелян. А потом написали – по необоснованному обвинению. Так хорошего человека загубили, и никто за это не ответил. Румянцев же сделал для Смоленщины очень много.

Отдельно хочу остановиться на прозвучавшем во второй статье Ильина обвинении об участии Рыленкова в травле Твардовского. Оно основано на опубликованной в «Большевистском молодняке» статье «Стих – это бомба и знамя» за тремя подписями – Горбатенкова, Каца, Рыленкова. Но так ли это?

Во-первых, Рыленков находился на действительной военной службе с ноября 1934 года до конца осени 1935 года далеко от Смоленска, что сразу же исключало его всякое отношение к статье. В ней указывалось, что «недостаточная политическая заостренность характерна для некоторых стихов Н. Рыленкова» («критик» становится «обвиняемым»).

Кроме того, взаимоотношения Твардовского и Рыленкова, личная порядочность папы свидетельствовали о неприятии таких вещей. Да и Твардовский был не из тех, кто прощал обиды. Непричастность Рыленкова к травле была известна. Об этом мне говорил в университете и заведующий литературным музеем Михаил Семенович Ефременов, и не от себя лично, а как установленный факт.

Ильин безусловно знал это и почему проигнорировал, мне трудно объяснить. Это дело его совести и профессиональной этики.

Во-вторых, Ильин подчеркнул, что Рыленков дважды выступал в защиту Твардовского (в 1930 и 1934 годах), по-видимому, предполагая, что в остальное время тот был «проработчиком» Твардовского. Он пишет: «Ивана Липовку поддержал на этот раз Рыленков. Это важно подчеркнуть, потому что это второе такое его выступление. В первый раз он отказался голосовать за исключение Твардовского из Ассоциации пролетарских писателей в 1930 году. И сейчас он не пошел вслед за проработчиками». Приводится два действительно серьезных момента в жизни Александра Трифоновича, когда Рыленков встал на его защиту. И ни одного случая «проработки» им Твардовского. Если бы они действительно существовали, что совершенно очевидно по тону статьи, то их обязательно привел бы Виктор Васильевич. Да, была статья Горбатенкова, а двое других – не писали и не подписывали, но в полной мере ответили за чужую ложь.

В-третьих, после смерти Сталина начался массовый пересмотр дел репрессированных. Шел он очень непросто. По делу арестованных писателей папу дважды приглашал к себе прокурор для обстоятельного разговора о них. Прокурор внимательно выслушал папу и заметил: «Вот Вы характеризуете всех как достойных советских людей, а почитали бы, что они говорили о Вас». «Не по своей воле, а под давлением, не выдержав травли», – ответил папа. Конечно, прокурор хорошо знал методы следствия и те злоупотребления, к которым прибегали следователи, в частности, например, фальсифицировали показания как обвиняемых, так и свидетелей для доказательства вины арестованных и законности возбужденного дела. Но что показательно – прокурор интересовался не только репрессированными (их всех реабилитировали, но часть – посмертно), а человеком, не пострадавшим в те годы – В. Горбатенковым, писавшим доносы в том числе и на Рыленкова. Доносов было так много, и за это его нужно было привлечь к уголовной ответственности за клевету, но он погиб. Как сказал прокурор: «Его счастье, что погиб на фронте, а то пришлось бы ему отвечать за содеянное – слишком много к нему вопросов».

Рижский журналист Афримович, проработавший в газетах и журналах более 40 лет, в статье «Загадки одной публикации» (о статье 1935 года) пишет: «Подписали ли? Вот в чем вопрос. В отношении Горбатенкова ни у кого сомнений нет, но подписали ли статью против Твардовского Рыленков и Кац. Да, под статьей стояли их фамилии. Но люди, работавшие в печати в то и более поздние времена, знают какие манипуляции были тогда возможны с подписями под той или иной статьей: подписи могли согласовываться по телефону или не согласовываться вообще. Такие вещи делались особенно часто в тех случаях, когда журналисту нужно было срочно организовать «отклик трудящихся» на то или иное постановление официальных органов или если проводилась кампания за или против чего-то или кого-то... Но поскольку Рыленков был на военной службе, то не только не мог подписать статью, но и вряд ли мог дать согласие на это».

Очевидно, что, фабрикуя дело, например, Македонова, следователи брали цитаты из опусов Горбатенкова....

Македонов писал: «... считаю, что статья о Твардовском, как кулачком поэте, которая неоднократно приводилась в качестве примера травли раннего Твардовского, за тре-

мя подписями Горбатенкова, Каца, Рыленкова несомненно была написана Горбатенковым... Горбатенков приписал к ней подписи Каца и Рыленкова, без согласования с ними. Это согласуется со свидетельством моей памяти, что они никогда не призывали к каким-либо репрессиям в отношении Твардовского и тех, кто заступался за него против Горбатенкова и других клеветников в Смоленске и центральной печати. В так называемых «показаниях», сфабрикованных против меня Горбатенковым, Владимиром Смолиным и другими следователем М. Гуревичем, моя покойная жена Раиса Абрамовна Гурвич, добившаяся начала пересмотра в 1939 году моего дела и ознакомившаяся с материалами так называемого обвинения, не обнаружила никаких показаний против меня Каца и Рыленкова».

Это же подтвердил А.В. Македонов и в своем интервью в Смоленске, когда приезжал на одну из конференций по изучению творчества трех поэтов.

Все это в той или иной степени было известно Ильину и почему не использовалось для глубокого научного анализа значения студенческих лет поэтов, совершенно непонятно. А ведь это был период их окончательного выбора пути, скачок от пробы сил в поэзии к зрелому мастерству. И каждый достиг в этом своих вершин.

В результате статьи не только однобоки, но и трактуют многие факты поверхностно, не точно, правдоподобно, но не правдиво.

Правда доверчива к людям.
Не верит им – Правдоподобье,
И, даже за Правду воюя,
Правду оно предаёт.

1966

Многим известно старинное выражение «твердолобый человек». Его трактуют по-разному (упертый, пробойный, идущий напролом и т.д.) У нас в семье так называли людей, не принимающих ничьих аргументов, не прислушивающихся к мнению оппонентов. А позже я узнала, что был даже специальный термин в психологии – «лобная психика» – человек упирается «лбом в стену», не признавая ничьей правоты, считаясь только со своим мнением. Об этом рассказывал наш замечательный филолог и не менее замечательный человек – Дмитрий Сергеевич Лихачев. При этом он подчеркнул, что такая психика как у руководителя, так и членов коллектива плохо сказывается на работе. Думаю, что здесь именно такой случай. Признание своих ошибок и недоработок (совершенно очевидных) для любого человека, а тем более для исследователя – необходимость, а не признак слабости, не измена себе:

Человек себе не изменяет,
Если в спор с самим собой вступает,
Удивляя близких и друзей.
Верным до конца себе остаться –
Значит над собой уметь подняться
По тревоге совести своей.

9, 17 мая 1968

В восьмидесятые годы мне приходилось заходить в Союз писателей по поручению мамы. Секретарем был Л. Козырь. Я не помню точно, как возник разговор о той злополучной статье (отнявшей не один год от папиной короткой жизни), но мне стало ясно, что писатели усиленно муссируют вопрос об участии папы в ней. Меня это настолько возмутило (ведь люди знали его столько лет!), что сразу же сказала – никогда не поверю в это уже хотя бы потому, что знаю папину врожденную совестливость и глубокую щепетильность в вопросах чести: «Не звук пустой – / Достоинство и честь./ У этих слов / Твой личный адрес есть». Это с одной стороны, а с другой – мне хорошо был известен (да и не только мне) характер Александра Трифоновича, который не умел прощать даже небольшие обиды, а не то что такую статью. Да к тому же было объективное обстоятельство, отметающее обвинение – Рыленков вообще год отсутствовал в Смоленске, т.к. находился на действительной службе в армии.

Козырь заметил мне – почему же Николай Иванович не потребовал опровержения в газете?

И тогда я поняла, как плохо очень многие знали то трагическое время. Кто бы посмел напечатать такое? Думаю, что абсолютно никто. Если даже в 1968 году, когда в газете «Смена» была опубликована совершенно абсурдная статья Н. Полякова о стихах начинающей поэтессы Р. Ипатовой, в ней она обвинялась во множестве грехов и отсутствии ясного мировоззрения. А ответ на нее В.С. Баевского, защищавшего Ипатову, не был принят в редакции. Хорошо, что папа смог передать статью Баевского в еженедельник «Литературная Россия», где ее опубликовали в начале 1969 года.

Та же история повторилась через 20 лет с письмом мамы в «Рабочий путь» относительно статьи 1935 года (к нему были приложены письма Македонова и статья Афримовича по этому поводу). Это доказывало, что какие-то определенные круги были заинтересованы в сокрытии истины.

Народный поэт Башкирии Мустай Карим так писал о Рыленкове: «Поэзии Николая Рыленкова суждено жить столько, сколько будет жить и процветать его родная словесность. Он был честным и правдивым... Жил по совести, писал по зову сердца». Такими людьми не становятся в одночасье, они формируются с юных лет. Рыленков действительно был родом из своего детства. И, видимо, не случайно при создании на центральном телевидении большого документального фильма под общим названием «Родом из детства» одну из серий посвятили Н.И. Рыленкову.

В тех просторах, что только снятся
Поколению моему,
Где мечты наши воплотятся,
Где труды наши благословятся,
Заблуждения объяснятся,
Треволнения канут во тьму, –
Все простится, но не простятся
Лжесвидательства никому.

11–14 июня 1968

Февраль–март, ноябрь 2021